

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.01.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-261-265

Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

ИВАНОВ Филипп Валерьевич,
аспирант, кафедра конституционного и
международного права, 3 курс
Санкт-Петербургский университет технологий
управления и экономики,
e-mail: mail@law-books.ru

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЭПОХУ ПРАВОВОГО ВЫЗОВА: БАЛАНС МЕЖДУ ЗАЩИТОЙ ПРАВ ЛИЧНОСТИ И ПУБЛИЧНЫМИ ИНТЕРЕСАМИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. Статья посвящена анализу роли Конституционного Суда Российской Федерации в обеспечении верховенства Конституции, защите прав и свобод граждан, а также в адаптации конституционной доктрины к динамично меняющимся социально-политическим и экономическим реалиям. Автор рассматривает особенности методологического подхода Конституционного Суда Российской Федерации, позволяющего гибко интерпретировать конституционные нормы в условиях трансформации социально-правовой действительности. На основе анализа ряда постановлений, автор показывает, как Конституционный Суд выстраивает сбалансированную модель взаимодействия между индивидуальными правами граждан и публичными интересами государства. Подчеркивается, что принцип разумной сдержанности остаётся центральным ориентиром судебной деятельности, а также рассматривается вопрос внедрения чётких процедурных механизмов пересмотра ранее изложенных правовых позиций.

Ключевые слова: Конституционный Суд, принцип разумной сдержанности, конституция, конституционное судопроизводство, конституционное правосудие, судебная практика, судебная доктрина.

IVANOV Philip Valerevich,
PhD student, Department of Constitutional and
International Law, 3rd year
St. Petersburg University of Management
Technologies and Economics

CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE ERA OF LEGAL CHALLENGE: THE BALANCE BETWEEN THE PROTECTION OF INDIVIDUAL RIGHTS AND PUBLIC INTERESTS OF THE STATE

Annotation. The article is devoted to the analysis of the role of the Constitutional Court of the Russian Federation in ensuring the supremacy of the Constitution, protecting the rights and freedoms of citizens, as well as in adapting the constitutional doctrine to dynamically changing socio-political and economic realities. The author considers the peculiarities of the methodological approach of the Constitutional Court of the Russian Federation, which makes it possible to flexibly interpret constitutional norms in the context of the transformation of social and legal reality. Based on the analysis of a number of decisions, the author shows how the Constitutional Court builds a balanced model of interaction between the individual rights of citizens and the public interests of the state. It is

emphasized that the principle of reasonable restraint remains the central guideline of judicial activity, and the issue of introducing clear procedural mechanisms for revising previously stated legal positions is also being considered.

Key words: *Constitutional Court, principle of reasonable restraint, constitution, constitutional proceedings, constitutional justice, judicial practice, judicial doctrine.*

Современный этап развития российской правовой системы характеризуется не только усилением регуляторной функции государства, но и возрастающей необходимостью защиты конституционных ценностей в условиях качественно новых вызовов, связанных с системной коррупцией, сложными схемами отмыкания активов, незаконного обогащения и иных форм правонарушений, угрожающих устойчивости правового государства. В этих условиях роль Конституционного Суда Российской Федерации (далее КС РФ) приобретает особое, стратегическое значение: он трансформируется из пассивного «стража» Конституции в активного архитектора правовой адаптации, способного синхронизировать устоявшиеся институты гражданского и процессуального права с новыми социально-правовыми реалиями.

Наделённый исключительной компетенцией по защите Конституции и не принадлежащий ни к одной из традиционных ветвей власти, КС РФ выполняет функцию конституционного арбитра, обеспечивая баланс между фундаментальными правами личности и публичными интересами государства. Эта уникальная институциональная позиция позволяет Суду не ограничиваться формальным применением норм, а наполнять их содержанием, выведенным из «духа» Конституции и адаптированным к контексту современных угроз. Такой подход, получивший в юридической науке название концепции «живой конституции», отражает способность конституционного правосудия эволюционировать, не теряя при этом привязки к ценностному ядру Конституции. [1 стр 127].

Формулируемая в настоящей статье научная позиция исходит из того, что в условиях динамичной трансформации социально-правовой реальности КС РФ последовательно развивает конституционно-правовую доктрину, используя собственно разработанные и выверенные правовые категории баланса между защитой прав личности (включая презумпцию невиновности, право собственности, стабильность гражданского оборота) и публичными интересами (борьба с коррупцией, защита экономического пространства, поддержание общественного доверия к правосудию). При этом возникающие сложности в толковательной практике обусловлены не недостатками судебной политики или «политизацией» Суда, как порой утверждают критики, а объективной необхо-

димостью адаптации устоявшихся правовых конструкций к новым формам правонарушений, требующим институционального ответа в рамках конституционного правопорядка [2. См например. Стр 68.].

Особенно ярко функция правовой адаптации проявилась в связи с введением в Гражданский кодекс (далее ГК РФ) нормы, позволяющей прокурору инициировать иски об обращении в доход государства имущества, происхождение которого не подтверждено законными доходами (п. 8 п. ч ст. 235). Эта новелла, по своей сути, имплементировала в гражданское право положения Конвенции ООН против коррупции и ввела в гражданское право презумпцию подозрения в коррупции, что принципиально отличает её от традиционных гражданско-правовых конструкций. Реализация данного механизма потребовала от КС РФ не просто формальной проверки конституционности нормы, а глубокого ценностно-нормативного анализа, направленного на сопоставление публичных и частных интересов, а также на выявление имманентных конституционных принципов, таких как недопустимость противоправного обогащения, обязанность государства обеспечивать справедливость и гарантии равенства перед законом [3].

Центральным методологическим достижением современного конституционного правосудия в России стало именно признание и последовательное развитие концепции «живой конституции». Эта концепция нашла устойчивое отражение в практике КС РФ, который не просто «применяет» Конституцию, но динамически наполняет её новым содержанием. При этом реализация идеи «живой конституции» не означает произвольного толкования или подмены юридического суждения политической волей. Напротив, КС РФ не просто разрешает конкретные споры, но формирует устойчивую конституционно-правовую доктрину, способную регулировать сложные правоотношения, ранее не известные российской правовой системе. Эта доктрина, как и подход КС РФ, предполагает, что конституционные нормы должны толковаться с учётом изменяющихся социальных, экономических и культурных реалий.

Следует подчеркнуть, что идея «живой конституции» представляет собой не только национальный, но и глобальный тренд в развитии конституционализма. Конституции стран перестают

быть статичными текстами и превращаются в своего рода «динамичные организмы», способные адаптироваться к вызовам цифровой эпохи, транснационализации и социальных трансформаций.

Более того, в условиях трансформации конституционализма, когда границы между национальным и международным правом всё больше стираются, роль КС РФ приобретает особую значимость. Суд становится не просто хранителем конституционного порядка, но и институтом, обеспечивающим конституционную идентичность Российской Федерации. Именно в этом контексте следует оценивать Постановление КС РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П, где был сформулирован критерий допустимости отклонения решений ЕСПЧ. Такой подход демонстрирует, что российский конституционализм развивается не в изоляции, а в условиях диалога с международными стандартами, но при сохранении суверенитета конституционного строя.

В этой связи КС РФ последовательно апеллирует к выводимым конституционным принципам, которые, не будучи прямо сформулированы в тексте Конституции, являются логическим следствием её основ. Ярким примером такого подхода является Постановление КС РФ от 31 октября 2024 г. № 49-П. Анализируя вопрос о применимости исковой давности к антикоррупционным искам прокуратуры, Суд не ограничился формальной проверкой соответствия норм ГК РФ Конституции, а провёл глубокий ценностно-нормативный анализ, в котором главную роль сыграли такие конституционные принципы, как недопустимость противоправного обогащения (вытекающий из ст. 1, 17, 19, и 75.1 Конституции РФ) и необходимость обеспечения общественного доверия к правосудию и правопорядку. КС РФ прямо указал, что применение общих положений Главы 12 ГК РФ к антикоррупционным искам создаёт правовую лазейку, позволяющую уйти от ответственности по истечении десяти лет. Такая интерпретация, основанная на анализе материальной справедливости и публичного интереса, демонстрирует, что КС РФ понимает правовую систему не как совокупность формальных правил, а как динамичный организм, требующий своевременной корректировки.

Таким образом, КС РФ формулирует новый конституционный императив: там, где применение формальных гражданско-правовых механизмов (в частности, исковой давности) объективно препятствует реализации фундаментальных конституционных целей, а именно борьба с коррупцией, защита экономического пространства, восстановление справедливости, то такие механизмы не могут быть использованы как инструмент уклоне-

ния в определенной степени от конституционной ответственности. Этот подход позволяет КС РФ не просто реагировать на изменения, но превентивно формировать конституционно-правовую среду, в которой новые вызовы не остаются без правового ответа.

Важно подчеркнуть, что КС РФ при этом сохраняет лояльность к законодателю, не подменяя его, а рекомендуя внести необходимые изменения в законодательство. Это свидетельствует о том, что принцип разумной сдержанности, декларируемый в научной доктрине и практике, не является формальным лозунгом, а реально действующим регулятором судебной активности. [4, стр.60] Суд воздерживается от выполнения законодательной функции, а определяет конституционные рамки, в которых должен действовать законодатель, тем самым обеспечивая соблюдение принципа разделения властей.

Однако в современных условиях, в контексте принципа разделения властей, принцип разумной сдержанности приобретает новое измерение. Как отмечают ряд исследователей конституционный контроль всё чаще трансформируется из пассивного института сдерживания в активного участника нормативного процесса особенно в начале 21 века [5 стр 6]. Это связано не только с необходимостью защиты прав, но и с ростом сложности нормативных систем, где одна лишь буквальная интерпретация закона может привести к нарушению конституционных ценностей. В этой связи сдержанность КС РФ проявляется не в воздержании от решения сложных вопросов, а в тщательной аргументации, опоре на конституционные принципы и сохранении институциональных границ. То есть, сдержанность здесь - это не бездействие, а ответственность.

Одновременно с этим эволюция правовых позиций КС РФ, обусловленная логикой «живой конституции», порождает сложные коллизии с ранее сформированной судебной доктриной. Например, если в Постановлении от 24 июня 2009 г. № 11-П подчёркивалось, что «никто не может быть поставлен под угрозу возможного обременения на неопределённый или слишком длительный срок», то в Постановлении № 49-П Суд фактически исключает применение давностных норм к антикоррупционным искам. Однако такая трансформация не свидетельствует о непоследовательности, а отражает адаптацию конституционной доктрины к новым вызовам. В 2009 году основной угрозой виделась неопределённость сроков ответственности, угрожающая стабильности гражданского оборота. Однако к 2024 году социально-правовой контекст изменился кардинально. На первый план вышли новые угрозы

системного характера: масштабная коррупция в высших эшелонах власти, использование офшорных схем для сокрытия активов, легализация незаконных доходов под прикрытием формально «чистых» гражданско-правовых сделок. Именно в этих условиях и возникла коллизия между формальной правовой конструкцией (давность) и материальной справедливостью (недопустимость противоправного обогащения). КС РФ реагирует на изменение контекста, не отменяя прежние принципы, а уточняя сферу их применения.

Именно поэтому критически важной задачей становится не отрицание самой возможности эволюции, а создание прозрачных процедур, позволяющих осуществлять такой пересмотр в рамках правовой определённости. Без этого риск ситуативного или конъюнктурного толкования действительно возрастает. В этом контексте деятельность КС РФ выступает не только как судебная, но и как инициативная инстанция. Перед лицом трансформирующихся социально правовых вызовов КС РФ отходит от буквального прочтения норм в пользу гибкой и контекстуальной интерпретации. Вместо того чтобы цепляться за устаревшие со временем правовые конструкции, КС РФ инициирует переосмысление сложившихся подходов и тем самым запускает своего рода цепную реакцию: его позиции становятся импульсом как для юридической науки, так и для законодательной деятельности по корректировке правовых норм.

Допустимо утверждать, что применение концепции «живой конституции» в деятельности КС РФ не представляет собой отступление от принципа верховенства права, а, напротив, служит его адаптивным выражением. Концепция раскрывает его подлинную суть как способности правовой системы отвечать на вызовы времени, не теряя привязки к конституционным основам. Оставаясь верным духу и букве Конституции, КС РФ адаптирует её текст, обеспечивая устойчивость правопорядка не за счёт статичности, а посредством взвешенного и принципиального эволюционного подхода. Особенно остро это проявляется тогда, когда буквальное применение закона начинает подрывать сами конституционные ценности. Таким образом, ключевой вклад современного конституционного судопроизводства состоит не в формальном контроле за соответствием норм Конституции, а в том, что верность правовому государству означает не только следование нормативному тексту закона как таковому, но и умение видеть за ним живую правовую реальность и корректировать её в русле конституционных приоритетов.

Таким образом, КС РФ в современных условиях демонстрирует стратегическую зрелость, последовательно развивая конституционно-пра-

вовую доктрину в ответ на вызовы эпохи. Его решения следует рассматривать не как произвольное вмешательство или подмену законодателя, а как сбалансированную попытку сохранить верховенство Конституции в новых обстоятельствах. Современная практика КС РФ убедительно демонстрирует, что институт конституционного правосудия перестал быть пассивным стражем текста Конституции и превратился в активного участника правовой эволюции.

Сложности в толковательной практике возникают не из-за внутренних противоречий, а из-за естественной напряжённости между стабильностью права и необходимостью его адаптации. КС РФ, будучи конституционным арбитром, несёт ответственность за то, чтобы эта адаптация происходила в рамках правового государства, без ущерба для фундаментальных прав, но и без слепого следования формализму. Тем не менее, в условиях нарастающей сложности правовых коллизий и ускоряющейся трансформации нормативной среды возникает необходимость в институциональном укреплении механизма конституционного судопроизводства. Важно, чтобы изменение судебной позиции происходило не стихийно, а в рамках установленной процедуры с указанием круга субъектов которые могут обратиться с обращением о пересмотре, с обязательным обоснованием причин корректировки, анализа преюдициального значения предыдущих решений и учёта социальных последствий. В связи с чем видится целесообразным рассмотреть данное направление законодательного совершенствования.

В конечном счёте, КС РФ остаётся тем институтом, который не просто охраняет Конституцию, но и сохраняет её живую и действенную силу в меняющемся правовом контексте. Его роль как архитектора адаптивного конституционализма будет только возрастать, особенно в условиях системного давления на правовую систему. Для того чтобы эта роль реализовывалась максимально эффективно, требуется не только правовая мудрость самого Суда, но и соответствующая законодательная база, способная обеспечить баланс между гибкостью и стабильностью, активизмом и сдержанностью, национальным суверенитетом и с учётом международных обязательств Российской Федерации. Именно такой подход позволит российскому конституционному правосудию оставаться опорой правового государства в 21-м веке.

Список литературы:

[1] Червонюк В. И. Трансформация идеи «живой конституции» в современной доктрине конституционного права // Право и государство. 2020. № 2. С. 124–132.

[2] Джавакян, Г. З. Правотворческая активность Конституционного Суда Российской Федерации :Юридизация политики или политизация конституционного правосудия ? /Г. З. Джавакян. // Конституционное и муниципальное право. -2016. - № 3. - С. 64 – 69.

[3] Постановление КС РФ от 31 октября 2024 г. № 49-П.

[4] Трунов И. Л. Конституционное судопроизводство в России: проблемы, перспективы и политический контекст // Представительная власть — XXI век. 2025. № 1. С. 1–9.

[5] Джавакян Г. З. Принцип разумной сдержанности в конституционном правосудии: самоограничение или самоустранение? // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 6. С. 54–61.

[6] Поярков С.Ю. Судебный конституционный контроль и трансформация современного конституционализма: проблемы гармонизации и развития // Юридические исследования. 2025. № 6. С. 90-111.

[7] Постановление КС РФ от 24 июня 2009 г. № 11-П.

References:

[1] Chervonyuk V.I. Transformation of the idea of a “living constitution” in the modern doctrine of constitutional law//Law and state. 2020. № 2. S. 124-132.

[2] Javakyan, G.Z. Legal activity of the Constitutional Court of the Russian Federation: Juridization of politics or politicization of constitutional justice ?/G. Z. Javakyan .//Constitutional and municipal law. -2016. - № 3. - S. 64 - 69.

[3] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 31, 2024 No. 49-P.

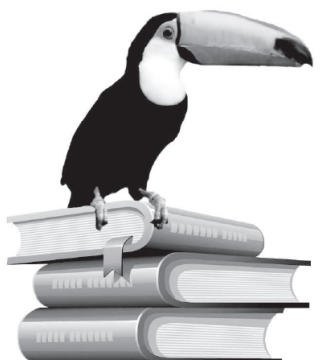
[4] Trunov I. L. Constitutional legal proceedings in Russia: problems, prospects and political context// Representative power - XXI century. 2025. № 1. S. 1-9.

[5] Javakyan G.Z. The principle of reasonable restraint in constitutional justice: self-restraint or self-elimination ?//Constitutional and municipal law. 2018. № 6. S. 54-61.

[6] Poyarkov S.Yu. Judicial constitutional control and transformation of modern constitutionalism: problems of harmonization and development//Legal research. 2025. № 6. S. 90-111.

[7] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 11-P dated June 24, 2009.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
 учебных и методических
 пособий, монографий,
 научных статей.

Профессионально.

В максимально
 короткие сроки.

Размещаем
 в РИНЦ, E-Library.